

Отставной майор Дмитрий Иванович Сеницын проснулся рано, опустил ноги, сел на край кровати и задумался. Опять этот странный сон, не дающий ему покоя с тех пор, как он купил этот дом. Обычно снился он под утро. Большой сияющий крест выходил из темноты и парил в правом углу горницы. Увидев сон впервые, Сеницын не придал ему никакого значения. Но видение повторялось вновь и вновь с назойливой периодичностью. Оно измучило Дмитрия Ивановича так, что прежде чем лечь в кровать, он стал осенять себя крестным знаменем и шептать: «Господи, дай мне спокойного сна!»

За окном забрезжил рассвет, зарделась заря. Новый осенний день вступал в свои права. Дмитрий Иванович надел на ноги старые домашние тапки и, шаркая по полу, пошел в горницу. Сквозь кружевные занавески сочился бледно-розовый свет. Он оглядел комнату и, убедившись, что ничего не изменилось, посмотрел в правый угол, где висела небольшая старая иконка, доставшаяся ему от прежнего хозяина.

Этот дом Сеницын купил по объявлению. Он давно мечтал о своем домике в небольшом селе и, выйдя в отставку, наконец-то осуществил давнюю мечту. Прежние хозяева умерли, и дом был выставлен на продажу. Желающих его купить не было, да и жильцов в селе осталось совсем немного, но это не смутило Дмитрия Ивановича. Места здесь были удивительные. Неширокая речушка, огибая село, ускользала ленточкой вдаль. За речкой раскинулся смешанный лес. Устроила Сеницына и цена. За рубленый старинный, но еще крепкий дом просили совсем немного, и сделка состоялась.

Еще раз окинув комнату взглядом, Дмитрий Иванович отправился на кухню, включил электрический чайник и вновь задумался. Парящий в воздухе крест не давал ему покоя. Надо будет у соседей расспросить о бывших жильцах, решил он.

Ближе к обеду, в надежде с кем-нибудь встретиться и по возможности что-то разузнать, Сеницын отправился в магазинчик в центре села. Народу на улице было со-

всем немного или, вернее, почти не было. Лишь какая-то молодка выглянула на улицу и, громко хлопнув калиткой, исчезла во дворе, да подросток проехал на велосипеде и скрылся за поворотом. Дмитрий Иванович вошел в магазин.

Скусающая продавщица обрадовалась, увидев Синицына. Она кокетливо повела головой, расправила плечи:

— Что-то вы, товарищ майор, давненько к нам не заходили? — мило улыбаясь, поинтересовалась она.

— Все дела, Людмила Юрьевна, — переминаясь с ноги на ногу, вежливо ответил он. — В город ездил, продукты оттуда привез. Вот, за хлебом пришел, — только успел произнести заранее заготовленную фразу, как хлопнула дверь, и в магазин вошла пышнотелая баба Люба, известная в селе своим крутым нравом. Еще с порога, чертыхаясь и охая, стала ругать пьяницу и бездельника мужа, понося его различными нелестными словечками. Синицын понял, что желаемого разговора не состоится, заплатил за покупку и пошел домой.

Повернув на свою улицу, он заметил старушку, сидящую на скамейке у саманной развалюхи. Высохшая, совсем маленькая, в повязанном поверх фуфайки клетчатом платке, в валенках, которые ей были явно велики, щурясь, внимательно смотрела на Дмитрия Ивановича. Когда он поравнялся с нею, вдруг спросила:

— А ты чей будешь-та? Не признала чавото.

Синицын растерялся:

— Да ничей. Дом неподалеку купил. Теперь живу здесь.

— А, енто ты дом Митрича купил!?

— Да, вроде.

«Вот, она, удача!» — подумал Дмитрий Иванович и подсел к старухе:

— А кем был ваш Митрич?

Старушке, видно, очень хотелось с кем-нибудь поговорить, и она затараторила:

— Трактористом был. Хороший мужик! Безотказный, работящий! Мне с дровами всегда помогал. И привезет, и нарубит...

Она задумалась, видно, что-то припоминая. Синицыну совсем не хотелось слушать нудные рассказы о дровах и всякой ерунде, и он быстро перевел разговор на нужную ему тему:

— А дом этот он сам строил?

— Да не... Ты чаво, не знаешь что ли? На ентом месте домишко стоял звонаря нашего, Васятки! А Митричу сельсовет его дал. Как домишко-то он получил, пристрой сделал, да веранду справил.

— А кто такой Васятка?

— Ты, видно, совсем ничего не знаешь! — и довольная, что у нее нашелся внимательный слушатель, поведала Дмитрию Ивановичу давнюю и уже забытую всеми историю:

«Марьевка-то наша была большим и красивым селом. Сорок дворов насчитывалось. Недалече от твоего дома стоял деревянный храм. А рядом домишко Васятки — звонаря, значит. Сиротой он был. Отец с Гражданской войны не вернулся, а мать простудилась, да померла. Жили в селе небогато, но дружно. Все в храм ходили. Священник был больно хороший. Правильный. Любили его сельчане. Он за Васяткой-то и присматривал. Беда пришла неожиданно. В конце двадцатых это случилось. Маленькая тогда была я, но помню все. Донесли на батюшку нашего. Говорят, что энтова Гришки Косого работа! Был у нас такой: злой, завистливый и нелюдимый. Как-то ранним утром в село машина приехала. Вышел из нее милиционер в кожаной куртке, перепоисанный ремнями, за ним еще два — с ружьями. Они хотели священника нашего арестовать. А Васятка, тово ему было лет шестнадцать, на колокольню

забрался и бить в набат стал. Народ набежал и заступился за батюшку. Вскоре они снова появились. Приехали ночью, на грузовике, когда в селе все спали. Батюшке руки связали и хозяйничать в храме стали. Оклады с икон снимали, а сами иконы в одну кучу сбросили. Оклады, серебряную утварь, подсвечники — все стали в машину грузить. А Васятка по домам побежал, людей будить стал. Народ собрался, а церковку-то солдаты окружили и ружья на людей направили. Затем батюшку нашего в машину запихнули, а храм подожгли. Бабы завыли, мужики багры притащили, бревна горящие скидывают, огонь тушат. Смотрят, а в горящем храме Васятка мелькает. Иконы оставшиеся, значит, спасает. Схватит две и сквозь огонь бежит с ними куда-то. Сгорел храм. А на другой день Васятку в доме своем мертвым нашли. Лежит бездыханный в уголке, у иконы Пресвятой Богородицы. Обгорел сильно. Хоронили его всем селом. Говорили, что, когда в землю опускали, голубка прилетела и на гроб села ...»

Старушка замолчала, смахнула сморщенной рукой набежавшую слезу и добавила:

«Дом вскориче сельсовет себе забрал. В нем они заседали. А после войны Митричу за хорошую работу его отдали, а сами в другое село переехали. Наше-то совсем опустело. В доме-то ентовым они вдвоем с женой жили, а дети ихние в город переехали. А как жена померла, Митрич умом тронулся. Все ходил по селу и напевал:

*«Крест сияет, крест Господний
Над землею он парит.
Гришка стонет в преисподней,
Строго Бог на нас глядит...»*

И все про какой-то крест говорил. Мол, грех совершен, поэтому — наказаны. Скажет энтото и плачет. Дочь с зятем не раз забирали его в город, а он от них сбежит и снова по селу ходит и поет. Не на много жену пережил, по весне и он помер».

Синицын не верил своим ушам... Теперь он все понял. Крест являлся и Митричу. Вот тебе и сон!

— А Васятка где захоронен? — озадаченно спросил он.

— Да на нашем сельском кладбище. Справа, в самом углу его могилка с покосившимся крестом. Надпись почти стерлась, но прочитать можно: «Панкратов Василий Лександрыч».

Попрошавшись со старушкой, Дмитрий Иванович пошел домой, но по пути передумал и отправился на кладбище. Могилка была найдена быстро. Как и говорила старушка, крест совсем обветшал и покосился. «Пора новый поставить...», — подумал Синицын. Немного постоял, осмотрелся, затем присел на корточки и заговорил: «Здравствуй, Василий Александрович! Прости, что беспокою, но ты знаешь, зачем я пришел. Это не я дом выбрал, а дом — меня. Это ты привел меня к нему и хочешь, чтобы я тайник твой отыскал. Сложную ты мне поставил задачу. Ох, и сложную!» Легкий ветерок скользнул по лицу, прошелестел в траве и затих. «Спасибо, Васятка, услышал я тебя!» — вставая, прошептал отставной майор...

Новый день прошел в хлопотах. Дмитрий Иванович искал тайник. Он ходил вокруг дома, простукивал доски, спускался в подпол, внимательно осматривая стены и пол, забирался на чердак, но все его усилия были тщетны... А ночью он увидел прежний сон. Сияющий крест, но не парящий, как прежде, в воздухе, а стоящий на полу в правом углу. Синицын проснулся. Теперь он знал, где искать спасенные Васяткой иконы.

Вскоре, вооружившись гвоздодером и топором, осторожно оторвал первую доску. Она была совсем старая и в некоторых местах подгнившая. С такой же осторож-

ностью была снята вторая, и третья доска. И что это? В паутине, под многолетним слоем пыли, завернутые в мешковину, на земле лежали храмовые иконы. Дмитрий Иванович бережно достал первую. Рядом находилась вторая, а чуть поодаль — третья. Когда Синицын извлек последнюю икону, то увидел деревянный крест с наброшенной на него пыльной тряпкой. «Вот ты какой!» — неожиданно вырвалось из его уст. Трясущимися от волнения руками он вынул его на свет. Крест был средних размеров, красивой ручной работы и явно старинный. «Сколько же лет он ожидал, чтобы вновь явиться людям!» — думал Дмитрий Иванович, а вслух произнес: «Измучил ты меня совсем!» Аккуратненько, чтобы не навредить иконам, он снял с них мешковину, отер пыль и положил на диван. Затем посмотрел в правый угол на лик Пресвятой Богородицы и решительно произнес: «Ну, что, Васятка, выполнил я твое поручение!.. А теперь пора нам за храм браться! Крест и иконы должны людям служить! Заждались они этого часа!»

